

СОВРЕМЕННОЕ ЗНАЧЕНИЕ СПОРА ЗАПАДНИКОВ И СЛАВЯНОФИЛОВ

С. И. Бажов

Всякому человеку, изучавшему историю русской общественной мысли XIX–XX вв., а также интересующемуся её современным состоянием известно о существенном значении полемики западников и славянофилов и в прошлом, и в настоящем, ибо несомненно, что и сегодня, т. е. уже в XXI в., дискуссии в духе западничества и славянофильства занимают вполне определённое место в российском общественном сознании. Вместе с тем относительно современного спора так называемых неозападников и неославянофилов нередко можно услышать и мнение о том, что эта полемика в своём принципиальном существе безнадежно устарела.

Налицо противоречие в оценках значимости спора западников и славянофилов – в то время как одни утверждают, что этот спор давно себя изжил и безнадежно устарел (такого мнения придерживался, в частности, Н. А. Бердяев), другие и сегодня рассматривают свое участие в этой полемике не только как интеллектуальную задачу, но и как гражданский долг.

Настоящая статья представляет собой попытку не только осмысления этого противоречия, но и поиск конструктивной реакции на затянувшийся спор.

Но сначала нужно условиться о терминах. Полагаю, что рассуждать на тему о западничестве и славянофильстве, в том числе и о давней и о современной формах этого спора, следует используя историческое значение этих терминов. Это уточнение бесполезно ввиду того, что в сегодняшних дискуссиях этим терминам нередко приписываются значения, которые в большей мере определяются эрудицией рассуждающего, чем историческими смыслами. Но это вполне решаемый вопрос, поскольку историческое значение используемых терминов можно определить¹.

Сторонники западничества полагали, что Россия в своём историческом движении должна повторить в основных чертах западный путь развития. Правда, в самом стане русского западничества уже в 40-х–50-х годах XIX в. начался второй великий спор (первый – рассматриваемая полемика) в русской общественной мысли, а именно полемика представителей революционно-демократического и социалистического западничества, с одной стороны, и сторонников западничества либерального – с другой. Но с учётом того, что Запад в целом отверг идеи революционного социализма (маргинальные западные политические течения мы здесь не принимаем в расчёт), западничество здесь будет рассматриваться как либеральное течение.

В свою очередь славянофилы полагали, что в российской цивилизации сохранятся такие религиозные, социальные и политические начала, которые, с одной стороны, представляют общечеловеческий интерес (в том числе и для Запада) с другой – являются самобытными основаниями (такие, как принципы самодержавия, соборности, общинности и др.), обеспечивающими органическое, т. е. без опасных для общества расколов и разрывов, историческое развитие России.

Итак, как же можно разъяснить тот очевидный парадокс, что спор, который многими рассматривается как интеллектуальный анахронизм, воспроизводится и в наши дни?

Как представляется, и оценка дискуссии как интеллектуального анахронизма, и основание ее неувядающей популярности восходят к однотипной характеристике или причине, которую можно определить как указание на односторонность этих воззрений. Различие лишь в том, что сторонники первой оценки видят односторонность позиций всех участников спора, а участники спора, соответственно придерживающиеся точки зрения актуальности этого спора, видят односторонность позиции своего идейного противника и живо на это реагируют, не осознавая при этом в должной мере односторонности своей собственной позиции. Последняя характеристика, разумеется, относится к представителям каждой из сторон, участвующих в современной дискуссии.

Поясню эти утверждения. В чем же можно усмотреть односторонность позиции классических западников? Послушаем рассуждение типичного западника, который скорее всего будет говорить о том, что хотя в настоящее время Россия и не Запад, т. е. не западная страна, но она должна в результате *n*-ного числа «волн» западнических реформ стать в известном смысле подобием западной страны.

Это односторонний взгляд? Несомненно, поскольку здесь говорится в позитивной части суждения только об уподоблении России Западу, а российская самость и специфика подразумеваются только в «негативной» части утверждения как то, что должно быть преодолено, ибо специфика есть препятствие для вестернизации. Это воззрение можно рассматривать как одностороннее на том основании, что оно строится, так сказать, на одной смысловой оси, а именно на уподоблении России Западу.

Собственно односторонность этих воззрений заключается в том, что здесь мотив уподобления как бы затемняет другой необходимый мотив, а именно мотив фактического и проективного самостоятельного бытия страны. Интеллектуальная почва западничества страдает органическим пороком парадигмальной односторонности. И эта односторонность, еще раз повторю, проявляется прежде всего в том, что здесь первый мотив, в котором много принципиально истинного по части необходимости заимствования современных общественно-экономических форм, роковым образом заслоняет второй мотив, не менее необходимый для полноценного разумного взгляда на вещи.

Западникам, находящимся в плену односторонних представлений, крайне сложно, а порой и невозможно адекватно реагировать на ряд тем, относящихся к проблемам национальной идентичности, внешнеполитической и внешнеэкономической деятельности, вопросам национальной обороны, национальной культурной почвы, национальных религиозных традиций и т. п. Об односторонности западничества можно говорить и в другом смысле. Западникам как либералам по преимуществу крайне затруднительно осознавать истины консервативного толка даже в тех случаях, когда истинность последних воззрений становится самоочевидной².

Что же утверждали исторические славянофилы? Славянофилы указывали на общечеловеческое значение начал православного христианства, ратовали за само-

державие, за крестьянскую общину и т. д. При этом они также выступали за права личности, в современной формулировке — за отдельные права человека. Насколько актуальны сегодня все эти тезисы в их первоначальной редакции? Очевидно, что тезис о содержании самобытных начал российского исторического развития нуждается в уточнении и в преодолении односторонних трактовок. Следует также отметить, что если даже мы ввиду того, что в современных дискуссиях фигурируют отнюдь не только тезисы и аргументы «ортодоксальных» (исторических) славянофилов, но и положения учений почвенников, Н. Я. Данилевского, К. Н. Леонтьева, евразийцев и т. д., расширим понятие славянофильства, чтобы охватить перечисленный идейный материал, то и тогда мы вряд ли получим социально-философскую позицию, которую можно было бы назвать не односторонней, а сбалансированной, т. е. верно описывающей соотношение западных и самобытных элементов в составе способной выдержать разумную критику современной интегральной социально-философской концепции³.

Если обе позиции во многом являются односторонними, что и даёт основание для оценки их как интеллектуального анахронизма, то почему же эта дискуссия устойчиво воспроизводится? Надо полагать, эта дискуссия в тех или иных формах продолжается в силу того, что каждая из позиций, будь то современное западничество или же современное славянофильство, по-прежнему выступают в одностороннем виде.

На односторонности и крайности чистого западничества по-прежнему следует не менее односторонний ответ в славянофильско-почвенническом духе, и полемический цикл повторяется.

Между тем необходимо обратить внимание на то, что устойчивое воспроизводство этой полемики в непродуктивном одностороннем варианте не столь безобидно, как может показаться на первый взгляд.

И дело здесь не только в том, что устаревшие идейно-политические ориентиры мешают усвоить более истинные идейно-политические схемы, но и в том, что эта полемика воспроизводит (и в этом смысле порождает) эффект раскола русского идейно-политического самосознания по линии западническо-славянофильских ориентиров. А это уже проблема кризисного состояния национально-политической идентичности, затруднённого перехода к интегрированному современному идейно-политическому самосознанию, что, без сомнения, не способствует общественному развитию современной России. Впрочем, смысл утверждения об интегрированном современном идейно-политическом самосознании не самоочевиден и нуждается в пояснении.

Одно из возможных состояний современного общественно-политического сознания характеризуется как такое единство разнородного, т. е. различных течений мысли, при котором содержательно разнородные компоненты оказываются неравны друг другу по влиянию в общественном сознании, но среди них выделяются преобладающие (доминирующие) и периферийные (маргинальные). Но возможна и другая конфигурация общественно-политического сознания, когда в нём нет доминанты, когда она, выражаясь несколько парадоксально, будучи ещё не сложившейся, уже дезинтегрирована, или просто — дезинтегрирована.

Во втором случае можно утверждать, что в самой структуре общественно-политического сознания заложены предпосылки дефицита согласия в политическом классе общества. Иными словами, речь идёт о том, что современному обществу необходимо современное общественно-политическое сознание, в основном (за исключением маргинальных политических течений) интегрированное вокруг универсальных базовых представлений о современном обществе как правовом, рыночном, признающем культурное многообразие и т. д.

Эти представления о принципах устройства современного общества или представление о цивилизационном каркасе общества современного типа разделяют просвещённые представители всех идейно-политических позиций: не только левые, либералы, консерваторы, но и сторонники экологических, религиозных и национальных политических идей, претендующие на участие в цивилизованном политическом процессе. Собственно допуском к такому участию является неформальный экзамен на цивилизационную зрелость, на меру просвещённости политического разума и политической вменяемости.

Ещё одно негативное последствие воспроизводства непродуктивной полемики — это формирование в российском политическом сознании ещё одной оси искусственных политических смыслов, по существу не связанных с осознанием подлинных политических интересов России.

К сожалению, даже во многом освобождённый от советской марксистской догматики российский политический менталитет по-прежнему выступает как сознание, перегруженное политической мифологией. И указанная полемика в своей непродуктивной форме вносит в это свой немалый вклад.

Впрочем, теперь, т. е. применительно к современному российскому политическому сознанию, можно говорить не о том, что оно находится во власти четко определённых политических мифов (как это было в советские времена), но о том, что оно мыслит современную разумную государственную политику более политико-центристской, чем она в действительности является, ибо разумная государственная политика должна быть по преимуществу экономико-центристской политикой. Но, увы, по-прежнему для нас политическая поэзия выше экономической прозы, и у нас столько романтических и увлекательных политических миссий, что нам и неинтересно и некогда «отвлекаться» на вопросы российской экономической стратегии и тактики.

Как долго полемика западничества и славянофильства в своём непродуктивном – ибо одностороннем – варианте будет воспроизводиться в российском общественном сознании? Надо полагать, так долго, сколько будут воспроизводиться односторонние позиции участников спора. Понятно, что преодолеть непродуктивный политико-идеологический спор можно путём трансформации односторонних позиций участников спора.

Каким образом западничество может преодолеть односторонность своей позиции? Прежде всего, западники должны осознать, представителями какой классической идейно-политической позиции они являются независимо от особенностей давнего российского спора западников и славянофилов.

Ответ на этот вопрос вполне ясен – либерально-демократической политической позиции. Сообразно с этой фундаментальной идейно-политической установкой и следует строить политическую философию российской либеральной демократии, включающую и современную теорию экономической политики, и современное либерально-демократическое представление о государстве, и современную концепцию нации, национальных отношений и национальной культуры, и концепцию либерально-демократической политики в отношении традиционных религий и современных религиозных течений, и концепцию оборонной политики и воспитания в будущих солдатах идей государственного патриотизма и т. д.

При этом, разумеется, нежелательно, чтобы российские либерал-демократы выступали исключительно в роли доктринёров, способных только к механическому переносу либерально-демократических представлений на почву российской действительности и к механическому же определению очередных задач либерально-демократических политических сил без учёта реалий и специфики российского общественного бытия.

Если говорить более конкретно, то западникам, точнее либерал-демократам, надо посоветовать ни на минуту не забывать, что живут они не на Западе, а в самой что ни на есть России; что на внешнеполитической сцене следует мыслить не только в категориях теории типов цивилизаций и типов политических режимов (западная цивилизация, восточная цивилизация и т. д., режимы демократические и недемократические и т. д.), но и в категориях интересов (выгод) политических, экономических и т. д. конкретной страны, а именно той, в которой они живут; миссию же обеспечения победы сил разума, прогресса и демократии в развернувшейся в глобальном масштабе драме войны цивилизаций и типов политических порядков надо оставить главным образом за Западом, который побогаче нас будет; что идеи патриотизма необходимы как часть гражданского воспитания масс; что нет ничего постыдного и нецивилизованного в проведении культурной политики, направленной на защиту цивилизационных основ национальной культуры и её традиций⁴; что юридическая защита интересов традиционной для страны религии – это цивилизованная мировая практика; что свобода есть не абсолют и не объект для преклонения, а особая дисциплинарная практика с расширенными возможностями для самоорганизации и саморегуляции; что никакие экономические и политические законы не действуют без необходимой для этого культурной среды и инфраструктуры; что государство – это не «холодное чудовище», а необходимый инструмент для поддержания общественного равновесия; что государство должно перераспределять часть своих полномочий не по призыву либерал-демократического доктринёра, а по мере накопления опыта государственного управления и общественной самоорганизации в условиях демократии; что нельзя забывать об исторически сложившейся особой ключевой роли российского государства в структурировании общества, о существовании других самобытных черт российской политической культуры и т. д.

Таким образом, для того чтобы западничество перестало выполнять роль пугала для славянофилов, оно должно открыть для себя ценности социальные, государственнические, национальные, патриотические, традиционно-религиозные.

Не страшно, что эти ценности в большей мере ассоциируются с левой и консервативной политическими ориентациями. Это, в известной мере, историческая случайность, которая объясняется тем, что в истории западной мысли либерально-демократические принципы первоначально выступали в виде абстрактных учений, специализировавшихся на разработке идеи общественной свободы. Поэтому другие значимые в современной политике идеи и ценности открывались в рамках иных политических ориентаций, например, консервативной и социалистической (социальная ориентация).

Словом, новые российские либерал-демократы, отрешившиеся от абстрактного и одностороннего доктринёрства и обогащённые пониманием задач национальных, государственных, религиозных и социальных, будут не отпугивать потенциальных политических партнёров и, кстати говоря, избирателей, а, наоборот, привлекать. Разумеется, в спектре либерально-демократических идеологий должен сохраниться в определённом объёме и классический догматический либерализм.

Каким же образом может быть преодолена односторонность славянофильства или, шире, славянофильско-почвеннической ориентации? В общем, на этот вопрос можно ответить указанием на необходимость, точнее, целесообразность разделения национально-консервативной ориентации (как можно политически резюмировать существо славянофильски-почвеннического направления) на два существенно различных идейных типа: на просвещённый консерватизм и на непросвещённый традиционалистский консерватизм.

Сначала поясним значения терминов, а уж затем смысл проведённого разделения. Под просвещённым консерватизмом здесь понимается такая идейно-политическая позиция, представители которой, разделяя принципиальную приверженность принципам современной общественной организации и соответственно признавая строй либеральной демократии, рыночной экономики, культурного многообразия и т. д., в то же время выступают против абсолютизации либерализма, за ограничение поля дальнейших прогрессистских общественно-культурных экспериментов с позиций ряда традиционных ценностей и т. д. Можно сказать, что представители этой позиции не склонны принимать нововведения в общественно-культурной жизни только потому, что первые аттестуются как новации, и настаивают на тщательной критической проверке целесообразности этих новаций, на демонстрации более убедительных свидетельств их преимуществ по сравнению с традиционными формами и т. д.

Сторонники же традиционалистского консерватизма находятся в непримиримой оппозиции к обществу современного типа и отвергают целесообразность таких современных общественных устоев, как правовое государство, рыночная экономика, культурное многообразие, роль науки в формировании общественного сознания и т. д., с позиций каких-то более архаичных моделей общественной организации. Как правило, речь идёт о каком-либо варианте традиционалистской городской цивилизации, и только самые большие оригиналы видят свой идеал в догородском общинно-племенном общественном устройстве. Разумеется, возможно видовое разделение традиционалистского консерватизма в зависимости от

общественной и культурной формы, которую сторонники данной позиции считают нормативной.

Значение проведённого разделения типов консерватизма может быть уточнено с помощью ответа на вопрос о том, есть ли место в политической системе современного общества просвещённому консерватизму или же современное общество является (а также и должно быть) объектом управления только со стороны либеральных и левых прогрессистов? И теория, и практика современной политики ясно отвечают на этот вопрос.

В политических системах современных стран Запада всё больше на первый план выходит конкуренция между двумя ведущими политическими силами – либерал-демократами и консерваторами (роль левых прогрессистов в связи с закатом коммунистического мифа XIX–XX вв. уменьшается). Многие страны Запада с 70-х годов XX в. переживают период неоконсервативной волны – так называют феномен роста авторитета и влияния в обществе и соответственно в политических системах консервативных (неоконсервативных) сил. В странах Запада во многом сохранили свои позиции и традиционные конфессии и религии.

Консервативная культурная политика, основанная на признании традиционных ценностей, таких, как авторитет государства и церкви, брак, моногамная семья и т. п., служит эффективным противовесом либеральной культурной политике в той её части, в которой последняя при посредстве принципов общественной свободы, прав человека и т. п. структурируется социокультурными инновациями и экспериментами, такими, как борьба за общественное признание однополых браков, эксперименты с легализацией употребления «лёгких» наркотиков, поддержка феминистского движения, позитивный интерес к темам эвтаназии, клонирования и т. д.

Нет необходимости множить число примеров, поскольку давно осознано, что без свободы общество неспособно к прогрессивному развитию (как форме сохранения рационального (разумного) этоса общества, без чего общество окажется незащищённым от безумия последовательного традиционализма), но и без полюса просвещённого консерватизма (просвещённого традиционализма) общество может оказаться ввергнутым в анархию и хаос либерально-прогрессистского экспериментаторства, что опять-таки оборачивается угрозой общественной свободе. А потеря общественной свободы будет означать утрату способности к прогрессивному развитию и росту научного знания (процессу, во многом конституирующему и фундирующему все виды рациональности), утрату в конечном счёте более или менее разумно устроенного социума. Так что и без полюса просвещённого консерватизма, т. е. генетически совместимого с современностью традиционализма, современному обществу просто не выжить.

Но интересующая нас здесь проблема заключается и в другом, а именно в том, что в России сегодня роль просвещённых консерваторов пытаются играть консерваторы полупросвещённые или даже непросвещённые (разумеется, не в том смысле, что они читать и писать не умеют, а в том, что они «искренне» не понимают системной связи принципов современного общественного устройства, таких, как общественно-политическая свобода, рыночная экономика, культурное многообразие, роль научного знания и т. д.).

Поясняя, в чём же состоит просвещённость просвещённых консерваторов, следует указать на то, что сторонники этой идейно-политической позиции разделяют убеждение своих партнеров по цивилизованной части современного политического спектра в том, что в условиях современной эпохи наилучшей почвой для борьбы за более совершенное общественное устройство является социальное устройство, характеризующееся такими чертами, как политическая демократия, рыночная экономика и культурное многообразие. Не хуже своих политических партнеров по политической системе современного общества: либерал-демократов, социал-демократов и др. – просвещённые консерваторы понимают, что в современную эпоху разумной общественной альтернативы перспективе постепенного совершенствования общества современного типа просто не существует.

В отличие от просвещённых консерваторов консерваторы-традиционалисты отвергают современную цивилизацию в её принципиальных основаниях с позиций каких-либо архаичных социальных и культурных образцов (в качестве таковых, как правило, фигурируют различные традиционные империи, реже – догосударственная общественная организация).

Таким образом, если для западничества выход за пределы непродуктивной односторонней позиции означает преодоление абстрактного либерал-демократического доктринёрства и переход к либерал-демократической политике, совместимой с признанием важной роли национальных, социальных, государственных и религиозных ценностей, т. е. в отношении западничества идёт речь о необходимости известной видовой модификации, то сторонники славянофильско-почвеннического консерватизма оказываются в несколько более сложном положении ввиду того, что к последним обращён вызов не видовой, а более глубокой типологической трансформации, под которой понимается переход от консерватизма традиционного к просвещённому консерватизму.

Между тем на общественно-политическом и культурном полюсе русского консерватизма в отчётливой форме ещё даже не началась дискуссия с целью размежевания позиций консерваторов просвещённых и традиционных с перспективой перехода первых в структуру доминанты современного идейно-политического спектра и социально-политической маргинализацией вторых. И это, как представляется, одна из существенных проблем формирования сегодня в России современного цивилизованного идейно-политического спектра.

Непродуктивная форма полемики западничества и славянофильства в российском общественном сознании будет преодолена тогда, когда в группах участников полемики на первый план выйдут в первом случае политически умудрённые либерал-демократы, а не сторонники абстрактно-доктринёрского либерал-демократизма, а во втором – просвещённые консерваторы, размежевавшиеся с консерваторами-традиционалистами, и эти просвещённые консерваторы будут дискутировать уже не как сторонники принципиально различных путей исторического развития России, но будут вести продуктивный диалог как представители современных идейно-политических полюсов – либерально-прогрессивистского и консервативного – единой политической системы общества современного типа, как и виделась ситуация одному из родоначальников славянофильства А. С. Хомякову в

ту минуту, когда он для разъяснения смысла общественной позиции славянофильства проницательно сравнил последнее с ролью консерватизма в политическом сознании Англии XVIII–XIX вв.

Итак, речь идёт о предложении модернизировать полемику западников и славянофилов таким образом, чтобы она трансформировалась в противостояние современных политически и диалогически связанных либерально-демократического и консервативного идейных полюсов.

Таким образом, современное значение спора западников и славянофилов можно усмотреть в его роли введения в необходимую и продуктивную для современного российского общества дискуссию либерал-демократов и просвещённых консерваторов.

---

¹ *Зеньковский В. В.* История русской философии. В 2 т. – Л., 1991; *Лосский Н. О.* История русской философии. – М., 1991.

² *Кацатова И. А., Бажов С. И.* Философское мировоззрение П. И. Новгородцева. – М., 2007.

³ *Бажов С. И.* Философия истории Н. Я. Данилевского. – М., 1997.

⁴ *Панарин А. С.* Православная цивилизация в глобальном мире. – М., 2002.